

Патрушев Сергей

Призрак среди прохожих

Сергей Патрушев

Призрак среди прохожих

«Автор»

2026

Патрушев С.

Призрак среди прохожих / С. Патрушев — «Автор», 2026

Игорь Савельев — «невидимка». Офисный клерк, которого мир стёр из реальности: люди смотрят сквозь него, зеркала не отражают, а собственная тень пытается его убить. Пройдя через падение с крыши, бунтующие фонари и разговор со своим тёмным двойником в тюремной камере, Игорь понимает, что исчезновение было его собственным выбором. Финал истории открыт: герой получает билет на концерт Бетховена, но остается запертым в спецприемнике. Сможет ли он сделать шаг навстречу музыке, или окончательно растворится в сером свете петербургского рассвета?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро без имени	5
Глава 2. Толпа как декорация	14
Глава 3. Стеклопанельная стена	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Призрак среди прохожих

Глава 1. Утро без имени

Пробуждение не было похоже на возвращение из сна. Оно напоминало включение старого, давно забытого в кладовке прибора: сначала глухая темнота, затем сухой щелчок невидимого реле и лишь потом — тусклый, мерцающий свет сознания. Он открыл глаза, но зрение пришло с задержкой, словно объектив камеры долго фокусировался в тумане. Потолок над ним был белым, но не стерильно-больничным, а старым, желтоватым от времени, с сетью мелких трещин, похожих на высохшую дельту реки.

Он моргнул. Раз, другой. Ощущение собственного тела возвращалось медленно, как приливная волна. Сначала пришла тяжесть — он почувствовал продавленный матрас под спиной, колючую шерсть дешевого шерстяного одеяла, сбившегося в ногах. Затем вернулась температура — прохладный утренний воздух, касающийся голых плеч. И только после этого включился звук. За окном, во дворе-колодце типичной питерской застройки, монотонно гудел мусоропровод, где-то далеко лаяла собака, перекликаясь с хриплым кашлем прогреваемого двигателя.

Все было на своих местах. Физика мира работала безупречно. Но внутри него зияла пугающая, звенящая пустота.

Он сел на кровати, подтянув колени к груди. Обычный жест для человека, который пытается защититься от большого пространства комнаты. Его взгляд упал на тумбочку. Там лежал паспорт. Твердая темно-зеленая обложка казалась чужой. Он взял его в руки. Пальцы помнили шершавость материала, вес документа, то, как нужно нажать большим пальцем, чтобы пластиковая пленка отошла от страницы. Мышечная память была идеальной. А вот нейронные связи, отвечающие за смысл, обрывались.

На первой странице была его фотография. Черно-белая, строгая, трехлетней давности. На него смотрел парень с усталыми глазами и слишком серьезным для своего возраста лицом. Светлые волосы коротко острижены, левая бровь чуть выше правой — след старой травмы или просто асимметрия лица. Он знал это лицо. Знал каждую черточку. Если бы ему дали зеркало, он бы увидел именно его.

Но имя...

Он перевел взгляд ниже. «Фамилия, Имя, Отчество». Буквы были четкими, напечатанными стандартным шрифтом загса. Они складывались в слова. Слова имели грамматическую форму. Но они ничего не значили. Это были просто черные жуки, ползущие по бумаге. Он попытался произнести их про себя. Рот открылся, горло напряглось, готовое вытолкнуть звуки, но язык замер. В голове стояла абсолютная тишина. Ни эха, ни отклика. Никакого внутреннего шепота, который обычно подтверждает: «Да, это я. Меня зовут так».

Паника должна была ударить молотом. Сердце должно было заколотиться о ребра, ладони — покрыться холодным потом, дыхание — сорваться в рваные всхлипы. Этого не произошло. Вместо физиологического ужаса пришел холодный, почти научный интерес патологоанатома к собственному телу. Он отложил паспорт. Отсутствие имени ощущалось не как потеря памяти, а как ампутация. Словно кто-то подошел ночью с невидимой пилой и аккуратно отпилил этот кусок личности, прижег края, и теперь там просто ничего не росло. Не больно. Странно.

Он встал. Ноги коснулись ледяных досок пола. Старый фонд дышал сыростью. Он прошел на кухню — пять шагов по узкому коридору, заставленному коробками, которые он так и не разобрал после переезда. Кухня была крошечной, четыре квадратных метра кафельного ада. На столе стояла кружка со вчерашним чаем. На поверхности жидкости образовалась тонкая серая пленка. Рядом лежал телефон.

Черный прямоугольник экрана манил. Люди теряют память, но сохраняют рефлексы. Палец сам нашел иконку мессенджера. Список контактов. Десятки имен. Друзья, коллеги, курьерские службы. Он пролистывал список сверху вниз, и каждый контакт отзывался такой же гулкой пустотой, как и строка в паспорте. «Сергея-Мясо», «Ленка Бухгалтерия», «Мама»... Мама. Последнее слово вызвало легкий спазм в солнечном сплетении. Единственный эмоциональный маркер среди мертвых данных. Тепло. Тревога. Долг.

Кто такая мама? Как звучит ее голос? Как она выглядит?

Он нажал на вызов. Гудки шли долго, вязкие, растягивающие время. Один, второй, третий. На пятом трубку сняли. — Да? — голос был женским, сонным, раздраженным. — Кто это? Он открыл рот. Горло снова свело спазмом. Он набрал воздуха. — Это... — начал он и замолчал. Пауза затянулась. В динамике послышалось недовольное сопение. — Говорите уже, у меня вторая линия. Алло? — Я... — он сглотнул. — Я забыл свое имя. Тишина в трубке стала плотной, оседающей. Женщина на том конце провода явно пыталась проснуться до конца. — Что за шутки? Игорь, если ты опять накурился своей дрянью, я отцу скажу. У нас сделка через час. Игорь. Имя упало в пустоту, как камень в колодец. Звук есть, дна нет. Оно не отозвалось. Он не чувствовал себя Игорем. Он вообще сейчас мало кем себя чувствовал. — Я не Игорь, — сказал он чужим голосом. — Я никто. Мне кажется, мир забыл меня. Женщина выругалась матом, коротким и злым, и сбросила звонок. Короткие гудки показались ему самым честным звуком, который он слышал за это утро.

Он положил телефон экраном вниз. Холод металла столешницы успокаивал горячие ладони. Значит, социальная проверка провалена. Его личность в базе данных других людей существует отдельно от него самого. Они помнят функцию — «Игорь из бухгалтерии», «сын», «доставщик пиццы», — но эта функция больше не привязана к носителю. Он стал призраком, сохранившим физическую оболочку.

Нужно было подтверждение извне. Жестокое, наглядное, лишенное человеческого фактора.

Он оделся механически: серые джинсы, растянутый черный свитер, старые кроссовки. Одевание тоже оказалось набором мышечных воспоминаний. Свитер слегка покалывал шею — ровно настолько, чтобы мозг отметил факт прикосновения ткани, но недостаточно, чтобы вызвать раздражение. Все чувства работали на минимальных настройках громкости.

Замок входной двери лязгнул трижды — два раза ключом, один раз собачкой изнутри. Лестничная клетка встретила его запахом кошачьей мочи и пережаренного лука. Девять ступеней вниз. Двор встретил ноябрьской петербургской моросью. Воздух пах прелыми листьями, мокрым бетоном и близостью залива.

Улица жила своей обычной жизнью. Час пик еще не начался, но город уже пульсировал. Старушка выгуливала дрожащего той-терьера. Мужчина в дорогом пальто нетерпеливо переминался у кофейного автомата. Подростки курили вейпы у арки, смеясь каким-то своим, закрытым смехом.

Он пошел прямо, стараясь двигаться естественно. Руки в карманах, плечи опущены, взгляд направлен примерно на уровень номерных знаков припаркованных машин. Стандартная походка горожанина, избегающего зрительного контакта. Обычно люди реагируют на такие вещи автоматически. Расступаются, если идешь навстречу. Бросают мимолетный оценивающий взгляд, когда проходишь мимо. Вздрагивают, если случайно задеть кого-то плечом.

Ничего этого не происходило.

Сначала он списал это на случайность. Вот женщина с тяжелой сумкой наперевес шагает прямо на него. Инстинкт самосохранения должен заставить ее отклониться вправо за полметра до столкновения. Она не сворачивает. Он делает шаг в сторону сам, чисто рефлекторно, и она проходит сквозь освободившееся пространство, даже не повернув головы. Ее плечо должно

было пройти сквозь его плечо. Он физически ощутил траекторию, теплую волну воздуха от ее движения, но физического барьера между ними словно не существовало.

Это могло быть игрой воображения. Усталость мозга, дорисовывающая аномалии.

Он подошел к витрине круглосуточного цветочного магазина. За толстым стеклом стояли розы, обернутые в шуршащую целлофановую броню, и бледные голландские тюльпаны. Идеальное зеркало.

Он остановился вплотную к стеклу, заслоняя собой часть экспозиции. Сейчас идущие по тротуару люди должны будут обогнуть препятствие. Должны изменить вектор движения.

Высокий парень в наушниках шел прямо на него, глядя в экран смартфона. Он ждал характерного жеста — поднятого извиняющегося взгляда, шага вбок. Парень врезался в стекло. Вернее, он сделал попытку сделать шаг вперед, наткнулся лбом на прозрачную преграду, отшатнулся назад, разбив провод наушников, и недоуменно уставился на витрину. Он посмотрел направо, посмотрел налево, пытаясь понять, откуда взялось препятствие. Его взгляд скользнул по фигуре стоящего перед стеклом парня. Глаза парня в наушниках смотрели *сквозь* него. Он видел цветы, видел проезжающий за спиной трамвай, видел тротуар дальше по улице, но того, кто стоял непосредственно перед ним, разделяя реальность на «до» и «после», он не видел абсолютно. Для него стекло было чистым.

Холод пробежал по позвоночнику, но это был не страх. Это было торжество жуткого открытия. Гипотеза подтверждена экспериментально. Мир действительно забыл его. Или, что еще страшнее, мир старательно игнорирует ошибку в своем коде.

Он отвернулся от витрины и побрел дальше, смешиваясь с толпой, которая теперь принимала его беспрепятственно. Он был идеальным пешеходом. Невидимая масса, нулевое сопротивление. Автомобили пропускали его на переходах не потому, что видели, а потому, что срабатывали датчики объема или водители инстинктивно реагировали на свободное место в потоке, которое он занимал.

Его занесло к набережной Обводного канала. Здесь ветер всегда пах мазутом и вечностью. Гранитные парапеты блестели от влаги. Он оперся локтями о холодный камень и посмотрел на воду. Темная вода лениво несла пластиковые бутылки, окурки и желтые листья.

Если тебя не видит социум, значит ли это, что тебя нет? Философский вопрос первокурсника внезапно обрел плоть и кровь. Существует ли дерево, если на него никто не смотрит? Существует ли человек, если его отражение исчезло из глаз окружающих?

Вода внизу ответила легкой рябью. Он перегнулся через парапет чуть сильнее.

Там, в черной воде, отражалось небо. Отражались низкие свинцовые облака. Отражался мост с чугунными решетками. Вода честно зеркалировала физику. Но его собственной фигуры в отражении не было. Только серый бетон набережной за местом, где он стоял.

Он резко выпрямился. Сердце наконец-то дало первый настоящий сбой — тяжелый удар куда-то в горло. Он посмотрел на свои руки. Плотные, мужские руки в рукавах свитера. Он пошевелил пальцами. Пальцы послушно согнулись. Он ущипнул себя за запястье. Боль была отчетливой, острой, настоящей. Кожа покраснела. Кровь исправно текла по венам. Температура тела поддерживалась на стандартных тридцати шести и шести. Он был живее многих мертвецов.

Но физика света отказывалась иметь с ним дело. Фотоны проходили сквозь него, не встречая сопротивления атомов его тела. Зеркала слепли. Радары молчали.

Откуда-то слева раздался резкий визг тормозов. Скрежет металла. Истошный женский крик.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Он дернулся на звук. На перекрестке, метрах в пятидесяти от него, белый фургон курьерской службы протаранил бок маленького красного автомобиля. Подушки безопасности выстрелили белыми облаками. Из разбитого окна красной

машины повалил пар. Водительская дверь красного авто открылась, и оттуда вывалился мужчина, держась за голову.

Толпа начала собираться мгновенно. Человек десять бросились к месту аварии. Смартфоны взлетели вверх, снимая происходящее. Кто-то кричал в телефон, вызывая скорую.

Парень побежал туда. Мокрый асфальт скользил под кроссовками. Ему нужно было проверить крайнюю степень. Если он может проходить сквозь людей, сможет ли он взаимодействовать с неживой материей? Может ли он помочь?

Мужчина из красной машины сидел на асфальте, мотая головой. Кровь заливала ему висок. Он находился прямо на пути летящего по инерции белого фургона — водитель фургона, оглушенный ударом, отпустил педаль тормоза, и многотонная машина медленно, неотвратно катилась вперед, скрипя покореженным бампером. Никто из зевак этого не замечал, все смотрели на пострадавшего легковушки.

— Эй! — крикнул парень. — Ползи! Он едет! Он подбежал к мужчине и схватил его за куртку, пытаясь оттащить на тротуар. Его пальцы сжались на плотной ткани. Он вложил всю массу своего тела в рывок.

Рука прошла сквозь мужчину и его куртку, не встретив никакого сопротивления. Абсолютно никакого. Он не почувствовал ни тепла кожи, ни структуры костей, ни натяжения ткани. Словно пытался схватить дым.

Ошеломление длилось долю секунды. Белый фургон продолжал движение. Заднее колесо прокатилось в десяти сантиметрах от ноги мужчины, начавшего приходить в себя. Тот поднял мутные глаза, увидел надвигающуюся машину и издал булькающий звук, пытаясь отползти самостоятельно.

Парень развернулся к фургону. Безрассудство отчаяния. Если материя проходит сквозь материю, он может встать на пути. Он расставил ноги шире, вскинул руки, закрывая собой раненого.

Бампер фургона ударил его в грудь.

Удара не было. Было ощущение внезапного уплотнения воздуха. Машина не замедлилась ни на йоту. Огромная масса металла, пластика и груза внутри просто проигнорировала его существование. Он не сдвинулся ни на миллиметр. Фургон проехал сквозь него, как рентгеновский луч. Он почувствовал легкое давление, вибрацию работающего дизеля, запах горячего антифриза — ощущения уровня атмосферных явлений, а не столкновения тел. Колеса прокатились под его ногами. Он остался стоять, невредимый, посреди дороги, пока белая корма удалялась, скрываясь за углом следующего дома.

Мужчину спасли другие — двое крепких парней в рабочих комбинезонах, материализовавшиеся из толпы, буквально вышвырнули его с траектории колеса. Завыла сирена скорой помощи.

Парень стоял посреди суматохи, которую он мог видеть, слышать и обонять, но в которой не имел права участвовать. Спасатель-призрак. Наблюдатель, выброшенный за скобки уравнения реальности.

Он медленно попятился назад, выходя из эпицентра внимания. Люди обходили его, занятые своими делами — помощью пострадавшему, съемкой видео, руганью с водителем фургона. Их взгляды перепрыгивали через него. Девушка с телефоном, делая шаг назад для лучшего ракурса, наступила ему на ногу тяжелым ботинком. Она не извинилась. Она вообще не поняла, обо что споткнулась, лишь раздраженно шикнула, удерживая равновесие. Вес ее тела на мгновение перенесся на его стопу — он почувствовал деформацию своей обуви, давление на кости пальцев, — но для нее он оставался пустым местом.

Он ушел с места аварии незамеченным. Растворился в переулках Лиговского проспекта.

Город давил своей обыденностью. Вывески магазинов предлагали скидки людям, которых здесь не было. Громкоговорители объявляли прибытие поездов пассажирам-невидимкам.

Матери вели за руку детей, которые смеялись в пустоту. Весь этот гигантский механизм человеческой цивилизации работал, опираясь на миллионы актов взаимного признания. Ты видишь меня, я вижу тебя, следовательно, мы существуем в одном пространственно-временном континууме. Он выпал из этой цепи. Он стал логической ошибкой, которую система предпочла просто не рендерить, чтобы сэкономить ресурсы процессора.

К полудню голод дал о себе знать тупой тянущей болью под ложечкой. Организм требовал топлива. Еда существовала независимо от наблюдателя. Бургеры жарились, кофе варился. Но как получить эту еду?

Он зашел в дешевую сетевую столовую самообслуживания. Зал был полупустым. Он взял пластиковый поднос. Встал в очередь на раздачу. Перед ним стояла полная женщина с фиолетовыми волосами, выбирающая салат. Очередь двигалась. Женщина сделала шаг вперед. Парень остался на месте.

Раздатчица — усталая девушка с тугим пучком на затылке — посмотрела поверх женщины с фиолетовыми волосами. Ее взгляд зафиксировал пустое пространство. — Следующий! — громко сказала раздатчица. Женщина впереди удивленно оглянулась. За ней никого не было. Она нахмурилась, пожала плечами и пошла дальше с подносом. — Следующий! — повторила раздатчица, барабанив пальцами по краю стойки.

Парень понял правила игры. Чтобы получить еду, ему нужно стать функцией. Нужно имитировать присутствие.

Он кашлянул. Громко, намеренно. Звук отразился от кафельных стен. Голова девушки в пучке дернулась на звук. Она продолжала смотреть в пустоту, но теперь ее замешательство стало очевидным. Она видела, что очередь стоит. Она слышала кашель. Но акустическая зона была заполнена, а визуальная — нет.

— Вы будете брать? — спросила она, обращаясь к точке пространства на уровне его груди. Он кивнул. Голова — самая надежная часть тела. Самый древний знак согласия. Девушка неуверенно улыбнулась пустоте. — Что вам? Он указал пальцем на ценник «Солянка сборная мясная». Указательный палец существовал. Жест был считан. Она наложила ему дымящейся похлебки в глубокую фаянсовую тарелку, поставила на поднос. Он показал на хлеб. Два кусочка черного дарницкого легли рядом. Компот. Кассирша на выходе смотрела сквозь него с легким профессиональным раздражением, ожидая оплаты. Он положил на блюдец купюру в сто рублей. Купюра исчезла из его пальцев. Взгляд кассирши метнулся вниз, на столик, потом обратно в пустоту. Она не понимала, откуда взялись деньги, но баланс сходился. Она молча дала сдачу, положив монеты на край его подноса. Монеты звякнули о поднос, выдавая его положение в пространстве точнее любого маяка.

Он сел за дальний столик. Суп оказался пересоленным и жирным, хлеб — кислым. Но никогда в жизни еда не казалась ему такой реальной. Процесс глотания, тепло, спускающееся по пищеводу, тяжесть в желудке — это были неопровержимые доказательства бытия. Я ем, следовательно, я существую. Декарт бы оценил горькую иронию ситуации: существовать биологически, будучи аннулированным метафизически.

Пока он ел, он наблюдал. Теперь, зная свою природу, он искал закономерности. Почему система дает сбои? Люди не видели его целиком. Но они реагировали на производимый им шум. Они чувствовали сквозняк, если он открывал окно. Они спотыкались о его вытянутые ноги, если он забывался и выставлял их в проход. То есть законы сохранения энергии и массы продолжали действовать. Он обладал весом, объемом и температурой. Проблема крылась исключительно в оптике и восприятии. Он был одет в идеальный камуфляж природы — полную социальную прозрачность.

Доев, он оставил грязную посуду на столе. Уборщица, проходя мимо, взяла его поднос вместе с другими, неодобрительно цокнув языком на оставленные объедки. Она точно так же не увидела наглеца, нарушившего правила этикета.

День клонился к вечеру. Морось сменилась настоящим дождем. Капли падали на его одежду, волосы, стекали за шиворот. Вода признавала его. Ткань свитера тяжелела, впитывая влагу. Он промок насквозь.

Ему нужно было убежище. Место, где можно высохнуть и подумать. Идти домой, к пустой квартире и зеленому паспорту, не хотелось. Дом — это территория закрепленной идентичности. Там каждая вещь будет напоминать о том, кем он перестал быть.

Он спустился в метро. Турникеты стали первым серьезным препятствием. Карты «Подорожник» у него не было — кошелек вообще не оказалось в карманах, видимо, остался на тумбочке. Покупать билет в автомате бессмысленно: он не увидит интерфейса, а автомат не примет у фантома наличные.

Он попробовал пройти за кем-то. Толстая тетка с баулом приложила карту. Зеленый индикатор загорелся. Она тяжело двинулась вперед. Парень шагнул вслед за ней, максимально близко. Он рассчитывал попасть в ту же временную зону срабатывания датчика.

Металлический поручень-трипод ударил его по коленям с механической жесткостью. Система контроля доступа имела более жесткие алгоритмы, чем человеческий глаз. Она измеряла объем. Объем одного пассажира прошел, появление второго объема в ту же миллисекунду было расценено как нарушение периметра.

Было больно. Не столько физически — удара фантома хватило бы разве что на синяк, — сколько унижительно. Железка признала его материальность лучше, чем живые люди.

Он отошел в сторону, потирая ушибленное колено. Рядом дежурил полицейский патруль. Двое молодых ребят в форме скупающе оглядывали вестибюль. Парень подошел к ним.

— Господа полицейские, — сказал он. Они одновременно подняли головы. Их взгляды прошли сквозь него, сосредоточившись на рекламном плакате банка за его спиной. — У вас проблемы? — спросил старший, адресуясь к стене. — Я не могу пройти через турникет, — ответил парень. — Кажется, я сломался. Полицейские переглянулись. Между ними повисла та самая пауза когнитивного диссонанса, которую он научился распознавать. Они слышали членораздельную речь. Речь исходила из определенной точки пространства. Но визуально точка была пуста. Самый молодой из них, вероятно, стажер, нервно поправил ремень автомата. Его рука дрогнула. Он боялся сумасшедших. Призраки в протокол не вписывались, а вот психозы с вербальными галлюцинациями — вполне. — Гражданин, покажитесь, — неуверенно произнес стажер, водя стволом автомата из стороны в сторону, пытаясь поймать источник звука. — Я перед вами, — терпеливо объяснил парень. — Рост метр восемьдесят. Черный свитер. Мокрый. Вы смотрите сквозь меня. Попробуйте перевести взгляд на пол, увидите мои тени. Их две от ваших ламп. Стажер опустил глаза. На мокром полу действительно лежало два размытых силуэта — от потолочных светильников станции. Но ног, которые должны были отбрасывать эти тени, не было. Старший напарник потер переносицу. Опыт подсказывал ему, что проще согласиться. — Слышь, иди проспись, — буркнул он в пустоту. — До первого поезда полчаса. Хочешь сидеть — садись на лавку, только не отсвечивай. Понял? Они отвернулись, потеряв к аномалии всякий интерес. Профессиональное выгорание убило в них любопытство. Если проблема не орет, не машет ножом и не нарушает статью 20.21 КоАП (которую невозможно составить на невидимку), значит, проблемы нет.

Парень постоял еще минуту. Потом подошел к эскалатору. Стал на металлическую гребенку. Резиновая лента увлекла его вниз, в подсвеченное неоном чрево города. Эскалатор признал его вес. Поручень ехал синхронно. Механика верила в него.

Станция «Площадь Восстания» поглотила его шумом прибывающих поездов. Толпа вынесла его на платформу. Здесь, в тесноте подземки, его невидимость становилась преимуществом. Его толкали, прижимали к колоннам, дышали в лицо чесноком и перегаром, хватались за его рукава, ища опоры в давке. Он превратился в идеальный клин, втекающий в вагоны одним из первых. Никто не просил его уступить место. Никто не наступал на ноги с последу-

ющей руганью. Он занял свободный угол у дверей, прислонившись к вибрирующей стене, и закрыл глаза.

Поезд мчался сквозь темноту туннелей. Мерный гул колес действовал гипнотически. «Что произошло?» — думал он, качаясь в такт вагону. — «Когда это началось?» Он попытался восстановить хронологию утра. Проснулся. Потолок. Паспорт. Телефон. Мама. Цветочный магазин. Витрина. Канал. Авария. Столовая. Метро. Где точка разрыва? Был ли какой-то странный сон? Головная боль накануне? Вспышка света? Припадок? Память услужливо подбрасывала фрагменты вчерашнего дня. Офис. Открытое пространство (*open space*) с низким гулом голосов. Ряд мониторов. Запах озона от принтера. Он сидит перед таблицей Excel. Цифры плывут перед глазами. Начальник отдела — лысый мужчина с густыми седыми усами — подходит сзади, тяжело опирается руками на спинку его кресла. — Игорь, сводка готова? — спрашивает усатый. Его дыхание пахнет кофе и мятной жвачкой. — Почти, Константин Петрович, — отвечает он. Голос звучит нормально. Он чувствует раздражение от того, что начальник вторгся в личное пространство. Он поворачивает голову, чтобы посмотреть на шефа снизу вверх... И всё. Дальше — белое пятно. Провал. Монтажная склейка. Следующий кадр — потолок и отсутствие имени.

Значит, это случилось вчера. На работе. После разговора с начальником. Связано ли это с работой? Он перебирал в уме свои обязанности. Какие-то бесконечные отчеты, сверки баз данных, оптимизация логистических цепочек. Ничего выдающегося. Серая мышь в корпоративном механизме. Таких тысячи. Незаменимых нет. Может быть, в этом причина? Замысловатая месть вселенной среднестатистическому человеку? Радикальное избавление от экзистенциального кризиса среднего класса? «Ты хотел перестать быть винтиком? Получи. Теперь тебя нет совсем».

Поезд вылетел на станцию. Яркий свет ударил по глазам. Двери разъехались. Волна пассажиров схлынула, новая волна хлынула внутрь. Его впечатали глубже в угол. Напротив села молодая женщина с ребенком — мальчиком лет пяти. Ребенок болтал ногами в резиновых сапожках, размазывая уличную грязь по белой вагонной скамье.

Дети видят иначе. Это аксиома. Их фильтры восприятия еще не настроены обществом. Они видят чудовищ в шкафах, разговаривают с ветром и замечают то, на что взрослые давно перестали тратить вычислительные мощности мозга.

Мальчик перестал болтать ногами. Уставился прямо на него. Не сквозь него, а именно на него. Его светлые, широко распахнутые глаза округлились. Рот приоткрылся, обнажив щербинку вместо недавно выпавшего зуба. — Мам, — тихо позвал мальчик, не отрывая взгляда. — Мам, смотри. Дядя весь дырявый. Женщина, уткнувшись в смартфон, раздраженно дернула плечом. — Не мешай, Леша. Сидим спокойно. — Нет, мам, правда! — мальчик повысил голос, в нем зазвенели слезы. — У него голова светится! И руки синие! Он как нарисованный плохим ластиком!

Парень замер. По спине пробежал липкий холодок, не имеющий отношения к температуре в вагоне. Он медленно, очень осторожно поднял руку и поднес ее к лицу. Взрослые по-прежнему смотрели сквозь него. Но мальчик видел.

Парень растопырил пальцы. Мальчик испуганно ойкнул и спрятался за спину матери, вцепившись в ее куртку. — Он шевелится! — прошептал ребенок. — Он живой! Мам, мне страшно! Женщина наконец оторвалась от экрана. Окинула взглядом пространство перед сыном. Увидела пустоту. Посмотрела на ребенка внимательнее. Лоб мальчика был покрыт испариной, губы побледнели. Классическая паническая атака или начало температуры. — Тише, тише, маленький, — она прижала сына к себе, глядя по волосам. — Никого нет. Показалось. Закрой глазки, давай посчитаем до десяти. Она начала монотонно считать, убаюкивая не столько ребенка, сколько собственную тревогу. «Один, два, три...» Мальчик зажмурился,

уткнувшись носом в материнскую ключицу, но периодически судорожно приоткрывал один глаз, проверяя, не исчез ли «дырявый дядя».

Парень сидел неподвижно до самой конечной. Когда поезд затормозил, и автоматический голос объявил: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...», он выскользнул из вагона одним из последних.

На платформе было пустынно. Конечная. Спальный район на окраине. Низкие потолки, желтый линолеум, запах хлорки. Он поднялся на улицу. Дождь кончился, оставив после себя огромные лужи, в которых плавало электрическое зарево фонарей.

Встреча с мальчиком дала новую пищу для размышлений. Он не полностью иллюзорен. Есть состояния сознания, способные прорвать пелену. Детское восприятие. Возможно, безумие. Возможно, смерть. Те, кто сами находятся на границе миров.

А еще — зеркала. Вода показала ему отсутствие отражения. Но мальчик говорил про «светящуюся голову» и «синие руки». Субъективное искажение. Мальчик видел не пустоту, он видел нечто иное, неправильное.

Нужно найти настоящее зеркало. Старое, стеклянное, амальгамное. Не современное, наклеенное на полимер, а тяжелое серебро на обратной стороне стекла. Такие остались только в старых квартирах. Или в антикварных лавках.

Он пошел вдоль одинаковых многоэтажек. Свет горел в сотнях окон. Каждая квартира — свой микрокосм, своя маленькая драма или комедия. Там люди любили, ненавидели, ели ужин, ругались из-за невымытой посуды. Они делали всё это друг для друга, создавая друг друга самым фактом совместного проживания.

Он был абсолютно одинок. Впервые в жизни он столкнулся с одиночеством тотальным, физическим, фундаментальным. Можно быть одному в комнате, но знать, что за стеной спит сосед. Можно быть одному в городе, но чувствовать затылком взгляды прохожих. Он был один во Вселенной, населенной слепцами.

Впереди, во дворах, мелькнула старая детская площадка. Среди ярких пластиковых горок советских времен стоял ржавый остов огромного павильона автобусной остановки. Стенки его когда-то были застеклены. Сейчас большая часть стекол была разбита или заменена мутным поликарбонатом, но справа, чудом уцелевший, торчал большой прямоугольный лист толстого старого стекла.

Он подошел к нему. Протянул руку, коснулся холодной гладкой поверхности. Стекло было пыльным, покрытым мелкими крапинками грязи. Он придвинулся ближе, почти вплотную, всматриваясь в свои черты. Темнота. Легкая игра теней от дальнего фонаря. Грязные разводы. Ни малейшего намека на собственное лицо.

Он провел рукой по стеклу, стирая грязь. Появилось чистое пятно. Серебристо-серая глубина. Пустота. За стеклом была ночь, ветки тополя, освещенные окно пятого этажа, где семья как раз садилась ужинать — он видел их спины. Своей спины он не видел. Своего лица — тоже.

Он прижался к стеклу лбом. Холод немного отрезвлял. — Эй, — сказал он своему отсутствию в зеркале. — Куда ты делся? Ответом была лишь вибрация шоссе где-то неподалеку.

Сколько это продлится? День? Неделю? Всю жизнь? Как вернуться? Нужно ли возвращаться? Быть забытым миром — это проклятие или высшая форма свободы? Тебе не нужны деньги, ведь ты можешь взять их из кассы, и никто не заметит. Тебе не нужна работа. Тебе не грозит тюрьма — стены откроются перед тобой. Ты можешь войти в любой дом, лечь в любую кровать. Абсолютная анонимность, доведенная до абсолюта небытия.

Но ты никогда не услышишь: «Я люблю тебя», адресованное тебе. Никогда не почувствуешь рукопожатия. Никогда не поделишь с другом бутылку пива, глядя, как солнце садится за крыши. Любовь, дружба, ненависть, зависть — всё это требует двоих. Видящих друг друга.

Он оттолкнулся от стекла. В кармане джинсов что-то звякнуло. Мелочь, которую ему швырнула уборщица в столовой. Три рубля сорок копеек. Весь его капитал. Цена существования в мире, который тебя отменил.

Он вышел из-под козырька остановки под открытое небо. Город вокруг спал, укутавшись в сырое одеяло ночи. Миллионы людей видели сны, запертые в своих черепных коробках, надежно сохраненные миллиардами ежедневных актов подтверждения реальности друг друга.

А он пошел вперед, оставляя за собой тихие, едва заметные следы на влажном асфальте. Следы, которые к утру смоем дождь, не оставив никаких доказательств того, что прошедшая здесь ночь принадлежала кому-то конкретному.

Глава 2. Толпа как декорация

Ночь в городе, который тебя не видит, имеет привкус свинца и старой киноплёнки. Он шел по Невскому проспекту, рассекая плотные потоки людей, спешащих к метро или из поздних ресторанов. Это была уже другая толпа, не та утренняя, случайная. Вечерний поток обладал собственной гравитацией, собственным гулом — низким, вибрирующим басом мегаполиса.

Он был единственным зрителем на спектакле, где все остальные актеры играли для пустого зала.

Сначала он пытался слушать слова. Раньше человеческая речь вокруг него сливалась в привычный белый шум, фоновый саундтрек жизни: обрывки споров по телефону, смех компаний, деловые переговоры у входа в бизнес-центры. Теперь же его слух обострился до болезненной чувствительности. Его невидимость лишила его права голоса, но взамен подарила абсолютную приватность подслушивания. Никто не оглядывался на него с подозрением, когда он замедлял шаг рядом с влюбленной парой. Для них фонарный столб представлял большую угрозу приватности, чем идущий сквозь них человек.

— ...и она говорит мне про эмоциональный интеллект, Макс! — щебетала девушка в дорогом пуховике, повиснув на локте своего спутника. Ее голос звенел от смеси обиды и выпитого просекко. — Я ей говорю: «Кристина, какой интеллект, если твой Игорь спит со своей ассистенткой?», а она мне про эмпатию...

Имя резануло по нервам. Игорь. Снова пустой маркер. Он машинально дернул плечом, пытаясь отстраниться от чужого мусора, выброшенного в эфир. Девушка споткнулась. Ее каблук попал в стык брусчатки. Она взвизгнула, замахала руками, чтобы удержать равновесие, и крепче вцепилась в рукав Макса. Парень-опора даже не сбился с шага, механически переставляя ноги и глядя в светящийся прямоугольник смартфона. Удар ее бедра о бедро парня должен был передаться и ему, стоящему между ними, но пространство осталось упругим и непроницаемым. Звук удара ткани о ткань прошел сквозь него легкой воздушной волной.

Он пошел дальше, ныряя в арку Главного штаба. Здесь звуки меняли акустику, становясь глуше. Двое мужчин в одинаковых темных куртках курили, прислонившись к колонне. От них пахло дешевым табаком и усталостью. — Петрович завтра премию зажмет, зуб даю, — говорил один, выдыхая дым в сторону вечного трафика. — Ему план спустили горящий, а мы крайние. Будем до десяти сидеть за спасибо. — Да хрен с ней, с премией, Колян, — лениво отвечал второй, стряхивая пепел на гранит. — Мне бы пятницу досидеть. В субботу на рыбалку. Егерь Михалыч баню обещал. Такое мясо привез... Мраморное. Тает во рту.

Мужчина причмокнул губами, вспоминая вкус. И этот простой физиологический звук вызвал у слушателя без имени острый, почти животный спазм зависти. Не к мраморному мясу. К памяти. Человек помнит вкус еды. Помнит лицо егеря Михалыча. Помнит, что такое суббота и зачем нужна баня. Весь этот мужчина состоял из якорей, привязывающих его к реальности. А он сам сейчас висел над пропастью, цепляясь за остатки вчерашней солянки в желудке.

Дворцовая площадь открылась внезапно, ударив по глазам светом мощных прожекторов. Александровская колонна пронзала низкое небо. Туристы не расходились даже в такой час. Группы китайцев с палками для селфи, итальянцы, кутающиеся в шарфы, местные подростки на самокатах.

Здесь иллюзия декорации стала абсолютной. Люди двигались по строго заданным траекториям. Вот группа делает общую фотографию: они выстраиваются в линию, улыбаются камере, которую держит на вытянутой руке гид. Щелчок затвора. Они бегут смотреть результат, смеются, толкаются. Их радость синхронна, их движения скошены, словно отработаны

хореографом. Они выглядят как NPC в высокобюджетной игре, выполняющие скрипт анимации праздности.

Он остановился посреди площади. Встал прямо на пути медленно бредущей экскурсии. Экскурсовод — женщина в наушниках с микрофоном — вещала историю Зимнего дворца. Ее голос транслировался в маленькие черные коробочки, прижатые к ушам туристов. — ... Растрелли создал шедевр елизаветинского барокко, используя систему анфилад, которая позволяет видеть перспективу залов насквозь...

Толпа шла прямо на него. Десять человек. Пожилые немцы, молодая семья с ребенком, студент с рюкзаком. Он закрыл глаза. Шаг вперед.

Ощущение было похоже на вход в холодную воду. Сначала сопротивление плотности воздуха, сгущающегося между телами. Затем — легкое покалывание кожи, будто слабым током. И наконец — прохождение. Никакого удара. Никаких возмущений. Словно видеоряд наложили поверх другого видеоряда. Он открыл глаза внутри группы. Слева от него стоял старик в очках, справа — девочка лет восьми жевала чупа-чупс. Девочка обернулась, посмотрела на деда. Дед смотрел на фасад дворца. Ни один мускул на их лицах не дрогнул. Он мог бы раздеться догола, начать петь гимн СССР или лечь на асфальт — их алгоритм восприятия просто исключил бы аномальный объект из рендеринга сцены.

Это опьяняло. Чувство безнаказанности пьянило сильнее алкоголя. Он бог этого мира. Призрак в машине человечества.

Он вышел из толпы так же легко, как вошел, сделав шаг вправо. Остановился у подножия колонны. Посмотрел вверх, на ангела с крестом. Ангел был реален. Бронза окислялась, голуби гадили ему на крылья, ветер заставлял складки туники трепетать. Камень под ногами был настоящим — неровным, истертым миллионами подошв. Реальным было всё, кроме него самого.

От этой мысли впервые за день стало по-настоящему холодно. Адреналин вседозволенности схлынул, оставив после себя липкую тоску. Декорация давила. Если город — это театр, то зрители давно ушли, забыв выключить подсветку и отпустить актеров со сцены. Актеры продолжают играть свои роли по инерции, потому что больше ничего не умеют. Продаются билеты сами себе, едят ужин в буфете, обсуждают премьеры. А он — единственный живой человек, запертый в этом макете. Или наоборот — единственный элемент кода, который забыли удалить при чистке сервера.

Нужно было проверить границы физики еще раз. Но теперь — агрессивно.

На углу Морской улицы мигал желтым неисправный светофор. Машины стояли плотной пробкой, уткнувшись друг другу в бамперы. Рев клаксонов смешивался с недовольным гулом моторов. Он подошел к первой машине — черному представительскому седану с тонированными стеклами. За рулем сидел мужчина в костюме, орал в телефон, брызгая слюной: — Где груз?! Ты понимаешь, что ты подставил весь холдинг?! Я тебе счета арестую, мразь!

Парень положил обе ладони на капот машины. Холодный, влажный металл. Металл признал его вес и температуру. Он толкнул. Сначала легонько. Машина качнулась на амортизаторах. Мужчина за рулем продолжал орать в трубку, не замечая вибрации.

Тогда парень уперся ногами в брусчатку, напряг спину и плечи, вложив в движение всю массу своего тела. Капот прогнулся под его пальцами. Огромный автомобиль весом в две тонны сдвинулся с места. Скрежетнула коробка передач водителя, который инстинктивно отпустил тормоз от неожиданного толчка. Седан прокатился вперед на полметра, глухо ткнувшись в багажник такси впереди.

Сработали датчики парковки. Внутри салона раздалась истеричная трель. *Би-бип. Би-бип.* Водитель осекся на полуслове. — Что за... — бросил он в трубку и посмотрел вперед. Его взгляд метнулся по капоту. Он видел мятину. Своими глазами он видел физическую деформацию железа. Закон причины и следствия работал безупречно: вот сила, вот деформация.

Но мозг отказывался принимать причину. Взгляд мужчины скользнул по пространству перед машиной. Там никого не было. Только мокрый асфальт и отражение витрины. — Чертовщина какая-то, — пробормотал водитель, выскакивая из салона.

Он обошел машину кругом, потрогал вмятину пальцем, опасливо озираясь по сторонам. Для него мир только что нарушил базовую логику. Предметы не движутся сами по себе. На пустом месте не бывает ударов такой силы. Парень отошел на тротуар и встал под козырек магазина. Он наблюдал. Страх водителя доставлял ему мрачное, садистское удовлетворение. Наконец-то хоть кто-то заметил нарушение контура. Пусть через последствия, пусть испугавшись собственного бессилия объяснить реальность, но заметили.

Водитель еще минут пять топтался у машины, заглядывая под днище, ища камень или лед, потом плюнул, сел обратно и резко газанул, отрывая бампер таксисту сзади. Пробка пришла в хаотичное движение. Инцидент исчерпан. Логика восстановлена через агрессию.

Он двинулся дальше, в сторону Мойки. Вода притягивала его. Зеркала лгали своим отсутствием отражения, но вода... вода всегда говорила правду о течении времени.

У спуска к воде стояла старая деревянная скамья, крашенная когда-то зеленой краской. Теперь краска облупилась, обнажив серое, изъеденное дождем дерево. Он сел. Ноги гудели. Прохождение сквозь толпу требовало странной концентрации — нужно было постоянно помнить о физике собственных костей, чтобы не столкнуться с твердыми предметами, которые люди считали препятствием.

Мимо по мосту шли пары. Воздух здесь пах речным илом и корюшкой из соседнего ресторана. — Замерзла? — спросил высокий парень свою спутницу, девушку в слишком тонкой для ноября куртке. — Немножко, — ответила она, ежась. Не задумываясь, рефлекторно, как дышат, он снял свое тяжелое шерстяное пальто и накинул ей на плечи. — Держи. Простынешь же. — Спасибо, — она благодарно улыбнулась, кутаясь в воротник, который был явно широк для ее хрупких ключиц. Тепло мужского парфюма и шерсти окутало ее. — Ты мой спаситель. Они пошли дальше. Она грелась в его пальто. Он шел рядом в одной рубашке, слегка сутулясь от холода, но продолжая увлеченно рассказывать что-то про архитектуру львов на мосту.

Наблюдатель без имени почувствовал, как рот наполняется горечью. Акт заботы. Чистейший, незамутненный эгоизмом обмен теплом. Один организм уменьшает собственную энтропию, чтобы увеличить шансы на выживание другого. Базовый код человечности. Он протянул руку и коснулся деревянного поручня скамьи в том самом месте, где секунду назад лежала ладонь девушки. Дерево еще хранило тепло ее руки. Микроскопический отпечаток тепла на холодной материи. Доказательство того, что она существовала физически именно здесь, именно сейчас. А он оставил после себя только вмятину на капоте чужой дорогой машины — след разрушения.

Из состояния меланхолии его вырвал запах. Резкий, химический, неуместный в сырости питерской ночи. Жженная проводка и дешевый бензин. Звук пришел следом — нарастающий визг покрышек, работающий на пределе возможностей двигателя. Из-за поворота вылетел спортивный мотоцикл. Красный пластик обвеса блестел в свете фонарей. Байкер сидел низко, припав к баку, превращая тело и машину в единую хищную торпеду.

Он неся по узкой набережной, игнорируя разметку и здравый смысл. Скорость была далеко за сто километров в час. Гранитный парапет справа, стена домов слева. Коридор смерти.

Люди на тротуаре замерли. Кто-то вскрикнул. Женщина схватила ребенка за руку, оттааскивая к самой стене. Время начало растягиваться, как каучук. Каждый удар сердца отдавался в висках набатом.

Парень на скамье смотрел на приближающуюся фару. Яркая белая звезда, пожирающая темноту. В голове шелкнуло. Идеальная проверка. Если он нематериален для пассивных объектов, как поведет себя активный, обладающий огромной кинетической энергией? Разрежет

ли мотоцикл его пополам, пройдя сквозь грудную клетку, как нож сквозь масло? Или законы сохранения импульса сработают иначе?

Страх исчез, уступив место холодному любопытству исследователя. Он остался сидеть. Даже не повернул головы. Просто ждал.

Красное пятно заполнило собой всё поле зрения. Рев мотора стал физическим давлением на барабанные перепонки. Сейчас. Еще доля секунды.

За долю секунды до столкновения байкер сделал нечто невозможное. Его правая рука, сжимающая ручку газа, дрогнула. Голова в шлеме чуть приподнялась. Взгляд за темным визором на мгновение зафиксировался. Прямо на нем. Байкер выкрутил руль.

Это не было попыткой объехать препятствие. Препятствия не было. Это был панический рефлекс существа, увидевшего в пустоте то, чего там быть не должно. Мотоцикл вильнул. Заднее колесо занесло. Потеряв сцепление с мокрым асфальтом, красная торпеда потеряла управление.

Мир взорвался звуком скрежета металла о гранит. Мотоцикл подбросило. Байкер перелетел через руль, сорвав перчатки с руля, и врезался шлемом в массивный чугунный столб старинного фонаря. Раздался сухой, жуткий треск пластика и кости. Тело тряпичной куклой отлетело на проезжую часть. Сам мотоцикл, вращаясь в воздухе, ударился о стену дома, высекая снопы искр из декоративной лепнины, перевернулся и рухнул колесами вверх прямо к ногам вышедшей из подъезда женщины. Застывшее моторное масло черной лужей растеклось по брусчатке.

Женщина завизжала. Началась классическая городская симфония катастрофы: звон разбитого стекла (мотоцикл вынес окно первого этажа), вой сигнализации припаркованного рядом автомобиля, крики ужаса зевак.

А парень на скамье сидел неподвижно. Столкновения не произошло. Физического контакта не было. Но реакция последовала. Значит, дело не в оптических законах. Дело в мозге наблюдателя. Байкер увидел его. На скорости сто двадцать километров в час человеческий мозг сумел обработать визуальную информацию, идентифицировать ее как «аномалия/опасность» и отдать команду мышцам изменить траекторию ценой собственной жизни.

Значит, порог существует. При определенных условиях — экстремальная скорость, выброс адреналина, критическое сближение — пелена падает. Система дает сбой и начинает рендерить лишний объект. Правда, обычно это заканчивается похоронами для того, кто прозрел.

Он встал. Нужно уходить. Полиция и скорая будут здесь через минуты. Свидетелей полно. Начнутся вопросы. Вопросы требуют ответов, а отвечать некому. Вернее, ответить может любой прохожий, указав пальцем в пустоту, и санитары психбригады окажутся куда расторопнее обычных.

Он свернул в первую попавшуюся подворотню. Узкий тоннель, пропахший кошками и кислым вином. Вышел в типичный петербургский колодец — квадрат неба высоко наверху, слепые окна, пожарная лестница.

Тишина здесь была густой, тяжелой. Крики с набережной долетали сюда приглушенным эхом. Он прислонился спиной к сырой штукатурке стены. Закрыв глаза. Адреналиновый откат бил крупной дрожью. Руки тряслись. Он провел ладонями по лицу, размазывая холодный пот.

«Я убил его?» — подумал он. Мысль была рациональной, лишенной эмоций. Если бы байкер не дернул руль, если бы он продолжил ехать прямо, физика взяла бы свое. Либо мотоциклист прошел бы сквозь него, потеряв управление от шока соприкосновения с нулевым сопротивлением, либо... Нет, он точно знал: столкновение двух масс неизбежно привело бы к аварии. Он спровоцировал аварию самым фактом своего присутствия в точке пространства, которое система определила как свободное. Косвенная вина. Самый страшный вид ответственности для призрака.

Где-то наверху, на четвертом этаже, хлопнула форточка. — Опять эти самоубийцы гоняют, — произнес скрипучий женский голос. — Совсем страх потеряли. Сталина на вас нет, ворон считать перестали бы. Голос растворился в недрах квартиры, форточка закрылась. Жизнь возвращалась в норму. Город переваривал происшествие, вписывая его в статистику ДТП.

Он оттолкнулся от стены. Нужно найти ночлег. Бродить по улицам до утра опасно — можно попасть под патрульную машину, а объяснять лейтенанту ГИБДД, почему тот не видит пешехода в протоколе, хотелось меньше всего.

Идея пришла неожиданно, пока он пересекал очередной двор. Общественные пространства. Библиотеки, вокзалы, круглосуточные гипермаркеты. Места массового скопления людей, где системы безопасности настроены на поиск агрессии, краж и оставленных сумок, но не на отсутствие субъекта.

Ближайшим пунктом был Московский вокзал. Двадцать минут пешком. Идеальное прикрытие. Бесконечный транзит. Сотни лиц в минуту. Никто ни на кого не смотрит. Спящие на лавках бродяги, пассажиры, встречающие, таксисты-зазывалы. Среди этой текучки он будет незаметнее пыли.

По дороге к вокзалу он снова погрузился в наблюдение за ритуалами. Вывески кричали: «Горячие пирожки!», «Кредит за 5 минут!», «Мы открылись!». Все эти сообщения были адресованы массе. Безликому потребителю. Ему нечего было потреблять. Еда не приносила вкуса — только тяжесть в животе. Деньги не имели ценности, если их нельзя заработать честным трудом или потратить на признание.

Он проходил мимо дешевой рюмочной. Из открытой двери тянуло жареным луком, перегаром и отчаянием. Два мужика в строительных жилетках курили на крыльце, передавая друг другу бутылку пива, скрытую в бумажном пакете. — ...она вчера собрала вещи, представляешь? — жаловался один, моргая красными глазами. — Телевизор забрала. Мой телевизор! Сказала, алименты будешь платить, тогда и поговорим. Какое «поговорим», Лизка? Я ж тебя любил! Второй молча хлебнул из горла, протянул бутылку собеседнику. Этот жест — передача бутылки — был важнее всех слов о любви. Простое подтверждение: «Ты существуешь, я вижу твою боль, я разделяю с тобой эту пластиковую емкость».

Парень остановился. Боль этих двоих была настолько реальной, материальной, что ее можно было резать ножом. Она имела вес, цвет и запах. А его собственное существование казалось теперь тонким пергаментом, готовым порваться от любого сквозняка.

Здание вокзала встретило его ревущим теплом и запахом хлорки. Центральный зал гудел ульем. Табло отправлений мерцало зелеными цифрами: «Санкт-Петербург — Москва», «Санкт-Петербург — Уфа», «Санкт-Петербург — Анапа». География страны пульсировала в ритме отбывающих поездов. Люди бежали, катили чемоданы, плакали, смеялись. Вокзал был гигантским сердцем, перекачивающим население из артерии в артерию.

Он позволил толпе нести себя. Здесь никто не обращал внимания на препятствия. Чемоданы на колесиках били по голням, тяжелые сумки задевали ребра, чей-то ребенок больно ткнул его пластмассовым автоматом в поясницу. Извинялся ли кто-нибудь? Никогда. Извинялся бы он сам раньше? Безусловно. Социальный контракт гласил: столкнулся — попроси прощения. Сейчас он был вне контракта.

Он добрался до дальнего крыла, где находились камеры хранения и ряды длинных металлических скамеек. Большинство мест было занято. Спящие фигуры, накрытые куртками. Запах нестираных носков и дорожной еды. Настоящий андеграунд транзита.

Свободным оказался лишь самый край одной из скамеек, рядом с пожилым мужчиной в железнодорожной форме, судя по петлицам — отставником-проводником. Мужчина не спал. Он сидел абсолютно прямо, сложив руки на коленях, и смотрел перед собой стеклянными глазами. На груди у него висел потертый бейдж, имя на котором стерлось до белого пятна.

Парень опустился на холодное сиденье. Металл тут же вытянул тепло из тела. Напротив, через проход, расположилась цыганская семья. Мать в ярком платке кормила грудью младенца. Двое старших детей, чумазных и юрких, делили одно яблоко, разрезая его тупым складным ножом и переругиваясь на своем певучем языке. Отец семейства, огромный уса́тый мужчина, храпел, запрокинув голову и широко открыв рот.

Жизнь кипела. Настоящая, первобытная, не стесненная офисным этикетом. Дети дрались за яблоко не ради статуса, а ради сахара. Мать защищала младенца. Это была чистая биология.

Рядом тяжело вздохнул бывший проводник. — Третий день сижу, — сказал он в никуда. Голос был сухим, как наждачная бумага. — Домой билетов нет. Касса посылает в интернет. Интернета нет — роутер сгорел, новый купить не на что, пенсия через неделю. Вот и сижу. Может, починят кассу. Может, бронь снимут.

Старик разговаривал сам с собой. Или с Богом. Или с пустотой. Но звук человеческого голоса, направленного хотя бы в абстрактную бесконечность, действовал успокаивающе. Парень вдруг понял, что уже несколько часов не слышал речи, адресованной лично ему. Даже мальчик в метро говорил матери, реагируя на феномен, а не на человека.

— На юг надо, — неожиданно для самого себя произнес парень. Голос прозвучал хрипло, горло пересохло. — Там зима мягче. Работу найдешь сезонную. На стройку или сторожем.

Проводник медленно повернул голову. Его глаза, окруженные сеткой глубоких морщин, смотрели сквозь щеку парня, фокусируясь где-то на спинке следующей скамейки. Старик не удивился. Сумасшедших на вокзалах хватает. Говорящая пустота — не самое большое диво. — Сторожем... — повторил старик эхом. — Какой из меня сторож? Ноги совсем не ходят. Варикоз сожрал. Третий год отекаю. Видишь? — он похлопал себя по распухшей икре. — Валенок, а не нога. До туалета дойдешь — полчаса отдыхаешь.

Он говорил. Он жаловался. Он признавал присутствие слушателя своим ответом. Для старика собеседник не обязательно должен иметь плотность. Собеседник — это функция. Тот, кто выслушивает. Функция друга, психолога, случайного попутчика. Парень дал запрос («надо на юг»), старик обработал его и выдал пакет данных («ноги не ходят»). Алгоритм коммуникации сработал идеально, несмотря на битую текстуру модели пользователя.

— А документы есть? — спросил парень, поддерживая беседу. Ему жизненно необходимо было слышать реакцию на свои слова. Подтверждение, что звуковая волна достигла цели. — А куда ж я без паспорта? — усмехнулся беззубым ртом проводник. — Тут, брат, режимный объект. Без документа тебя менты на первой проверке в обезьянник заметут. У меня паспорт в порядке. Трудовая тоже. Только кому я нужен? Старый гриб. Молодежь везде нужна, им копейки платить можно, а они рады стараться. А мы... мы отработанный материал. Стружка.

«Отработанный материал». Фраза зацепила. Проводник чувствовал себя ненужным системе. Но он ошибался. Система видела его. Видела его варикоз, его пенсию, его просроченную бронь билета. Система выдавливала его, но признавала фактурой. Его же, здорового молодого мужчину, система просто стерла ластиком. Быть стружкой обидно. Быть дырой в бумаге — страшно.

Цыганские дети закончили возню с яблоком. Младший, проигравший в споре, заревел громко, обиженно, на одной ноте. Мать шикнула на него, сунула грудь обратно в рот, заглушая крик. Порядок восстановился.

Гул вокзала действовал как снотворное. Глаза закрывались сами собой. Спать на жесткой металлической скамейке оказалось удивительно легко. Впервые за сутки телу позволили расслабиться. Мозг отключал фильтры тревоги. Перед тем как провалиться в тяжелый, душный сон без сновидений, он успел подумать: если завтра он проснется и потолок над ним будет таким же желтым и в трещинах, значит, это не временный сбой. Значит, он действительно перешел границу. Границу между человеком и городской легендой, которой пугают зазевавшихся пассажиров в темных переходах метрополитена.

Сон принял его в свои объятия. Железнодорожный узел продолжал жить своей жизнью, перекачивая судьбы под своими сводами, и никому не было дела до того, что на крайней скамейке седьмого зала ожидания сидит идеальный свидетель — человек, которого нет.

Глава 3. Стеклянная стена

Сон на вокзальной скамейке не принес отдыха. Он был похож на падение в ледяную воду: сознание отключилось от перегрузки, но подсознание продолжало барахтаться в темноте, захлебываясь тревогой. Ему снились лица — тысячи лиц из вчерашней толпы, сливающиеся в одну пульсирующую маску с пустыми глазницами. Они смотрели сквозь него, и этот взгляд давил на грудь многотонной плитой.

Он проснулся от того, что затекла шея. Металлическое ребро скамейки впилося между лопаток. В зале ожидания стоял густой утренний туман, сотканный из дыхания сотен спящих людей, запаха хлорки и дешевого растворимого кофе. Табло отправлений сменило цвет с зеленого на ядовито-оранжевый, сообщая об отмене нескольких ранних рейсов.

Старик-проводник исчез. На его месте сидела женщина неопределенного возраста, туго замотанная в несколько шерстяных платков. Она раскачивалась взад-вперед, монотонно баюкая пластиковый пакет из супермаркета. Место собеседника было вакантно.

Парень потер лицо ладонями, пытаясь стереть онемение. Организм требовал базовых действий. Нужно найти уборную, умыться, выпить воды. Простые физиологические потребности оставались единственным мостиком к прошлой жизни, где он был «кем-то». Чистый социальный лист компенсировался безупречной работой базового кода выживания.

Туалет находился в подвальном этаже. Спускаясь по гулкой лестнице, облицованной пожелтевшим кафелем, он прошел мимо группы гастарбайтеров. Они пили чай из пластиковых стаканчиков, сидя прямо на корточках вдоль стены. Один из них поднял глаза. Взгляд узких, покрасневших от недосыпа глаз скользнул по лицу парня, зафиксировал контур носа, линию подбородка... и тут же соскользнул дальше, словно наткнувшись на невидимый маслянистый барьер. Рабочий продолжил рассказывать что-то соседу, активно жестикулируя.

В умывальнике под тусклыми лампами дневного света зеркало подтвердило утренний диагноз. Из овального полотна над раковиной на него смотрел пустой туалет. Грязно-бежевая плитка, ржавые потеки вокруг крана, чья-то забытая зубная щетка в стакане. Его собственное отражение отсутствовало настолько абсолютно, что это начинало казаться нарушением законов оптики. Даже вампиры отбрасывают тени. Даже оборотни видят свою человеческую ипостась до полной трансформации. Он же выглядел как слепое пятно матрицы фотоаппарата — место, где пиксели просто отказываются записывать информацию.

Он плеснул в лицо ледяной водой. Кожа отозвалась покалыванием. Реальность подтверждалась болью и холодом. Значит, сходить с ума он тоже начал материально.

Когда он поднялся обратно в зал, вокзал уже гудел растревоженным ульем. Утренняя волна пассажиров схлынула, уступив место суетливой дневной толпе. Здесь решались судьбы отпусков, командировок и бегства от самих себя. Люди тащили баулы, кричали в телефоны, теряли детей у игровых автоматов. Это была квинтэссенция человеческой деятельности — постоянное движение ради движения.

Именно здесь, посреди этого хаоса, решение кристаллизовалось. Эксперименты кончились. Наблюдение за биологией толпы больше не приносило удовлетворения ученому-самоучке. Остатки человеческого эго, запертого внутри прозрачной оболочки, взбунтовались. Ему нужно было столкновение. Настоящее, грубое социальное взаимодействие. Ему нужен был ответ.

Он выбрал цель. Мужчина лет сорока, в мятом бежевом плаще, выбивающемся из общего стиля дорогой, но безвкусной одежды типичного корпоративного служащего. Тот стоял у колонны, нервно поглядывая на часы и прижимая плечом к уху смартфон. — Нет, я сказал в три! — орал мужчина в трубку, перекрикивая объявление диктора о прибытии «Сапсана». —

Мне плевать на ваши логистические проблемы, Игорь! Если машина не будет стоять у входа ровно в пятнадцать ноль-ноль, можешь считать себя безработным! Я тебя уничтожу!

Идеальная мишень. Человек, привыкший, что мир прогибается под звук его голоса. Человек, чье эго занимает слишком много места в пространстве. Таких проще всего спровоцировать на реакцию.

Парень сделал глубокий вдох, наполняя легкие запахом пыли и озона. Он подошел к мужчине вплотную, заходя со стороны его левого уха, чтобы оказаться в самой интимной зоне личного пространства. Расстояние меньше тридцати сантиметров. Зона, предназначенная только для любовников, супругов и убийц.

— Простите, — произнес парень четко и достаточно громко. — У вас есть зажигалка?

Голос прозвучал нормально. Собственный тембр показался ему чужим, осипшим после сна, но акустически всё было верно. Звуковые волны должны были беспрепятственно ударить в барабанную перепонку мужчины.

Тот продолжал смотреть на часы. Пальцы, сжимающие телефон, побелели от напряжения. — Огонька не найдется? — повторил парень, слегка повышая тон и добавляя в интонацию легкую улыбку. Социальный протокол приветливости.

Мужчина закончил разговор резким движением пальца по экрану. Спрятал телефон во внутренний карман плаща. Бросил быстрый, раздраженный взгляд поверх головы парня, ища глазами киоск или автомат. Его взгляд прошел сквозь переносицу незваного собеседника, устремившись куда-то к табло расписаний.

Ни один мускул на лице мужчины не дрогнул. Не было даже секундной задержки обработки информации, которую он видел накануне у байкера. Никакого микропаузы замешательства. Абсолютный нулевой отклик.

Стена выросла мгновенно.

Она не была материальной. Ее нельзя было коснуться пальцем. Но она была плотнее бетона. Парень почувствовал ее вибрацией в ушных костях. Его голос, покинув гортань, не рассеялся в воздухе вокзала. Он увяз. Слово слова превратились в густую смолу еще до того, как достигли барабанной перепонки цели. Мужчина открыл рот, чтобы позвать носильщика, стоявшего в трех метрах левее. Носильщик обернулся. Система сработала. Запрос от видимого субъекта принят. Ответ получен.

Отказ парню не был оформлен вербально. Ему вообще не было отказано. Отказ подразумевает наличие двух сторон конфликта. Здесь же существовала только одна сторона — мужчина в плаще. А вместо второй стороны зияла дыра, через которую продувало сквозняком.

К горлу подкатила тошнота. Липкий, холодный ужас первобытного существа, которое понимает, что хищники его не замечают, а значит, оно перестало быть частью пищевой цепи. Оно стало падалью. Или ландшафтом.

Нужно усилить воздействие. Нарушить физический контур. Парень протянул руку и аккуратно, почти нежно, тронул мужчину за рукав плаща. Ткань оказалась мягкой, дорогой, чуть влажной от недавнего дождя. Под тканью прощупывалось тепло живого предплечья, напряженного, как струна.

Контакт состоялся. Нервные окончания пальцев передали мозгу фактуру шерсти и жар чужой кожи. Для него прикосновение было реальным. Но локоть мужчины внезапно дернулся вверх и вбок — классический защитный рефлекс человека, которого кусает незамеченная им пчела или который задел раскаленную трубу. Мужчина резко отшатнулся, сбив при этом плечом пожилую женщину с тележкой. Женщина охнула, рассыпав какие-то пакеты. — Ты что творишь?! — рявкнул мужчина, разворачиваясь всем корпусом. Его глаза метали молнии. Он смотрел поверх плеча парня, гневно глядя на пространство, где тот стоял. — Совсем страх потеряли?!

Он адресовал ярость пустоте. Вернее, тому месту, где воздух должен был иметь плотность человеческого тела. Раздражение требовало выхода, объект раздражения присутствовал (судя по нарушению баланса), но визуальный канал выдавал ошибку 404. Мозг мужчины решил проблему самым простым способом: приписал агрессию случайному фактору среды и выплеснул остатки злобы на пострадавшую старуху. — Куда прешь, старая! — бросил он женщине, которая сейчас извинялась перед рассыпанными пакетами. — Слепла совсем?

Искажение реальности вызывало у «нормальных» чистую, неконтролируемую злобу. Им было проще признать весь мир дефектным, чем допустить мысль, что они говорят с призраком.

Парень отпустил рукав. Рука дрожала мелкой дрожью. Между ним и мужчиной в плаще теперь стояла не просто социальная дистанция. Там выросла стеклянная стена метровой толщины. Прозрачная, звуконепроницаемая, вибропоглощающая. Он мог разбить об нее кулаки, мог кричать до разрыва связок, мог плакать — на той стороне увидят лишь легкое колебание воздуха, возможно, почувствуют странный сквозняк, но никогда не услышат стука.

Мир перестал быть декорацией. Декорацию можно пнуть, и она упадет, обнажив кирпичные своды театра. Мир стал аквариумом. Теплым, уютным, наполненным кислородом и жизнью стеклом, отделяющим его от безвоздушного пространства одиночества.

Он бросился прочь от колонны. Расталкивать людей он больше не пытался — тело само находило проходы в плотной толпе, люди инстинктивно огибали пустоту, принимая маневры уклонения фантома за обычную спешку пассажира.

Ему нужен был воздух. Выход. Любой выход из-под этих глухих сводов, которые вдруг начали ощутимо давить на макушку, грозя обрушиться многотонной массой бетона.

Центральный вход заблокирован очередью на такси. Он свернул вправо, в сторону Лиговского проспекта, к боковому выходу через тоннель пригородных касс. Тоннель был длинным, полутемным, освещенным редкими дежурными лампами. Эхо здесь работало исправно, умножая звуки шагов.

Навстречу ему шла компания подростков. Четверо парней и девушка. Школьники старших классов, прогуливающие уроки. Они шли враскоряку, занимая всю ширину прохода, громко смеясь и передавая друг другу дешевую электронную сигарету, выпускающую облака приторно-сладкого пара. Вишневый запах ударил в нос.

Они увидели его издалека. Физиология подростковой стаи проста: кто идет навстречу — тот препятствие. Кто преградил путь — тот жертва или враг. — Оп-па, — протянул самый высокий, с выбритым виском. — Куда торопимся, дядя? Дорогу молодым забыл уступить?

Классическая схема. Проверка на прочность. Обычно такие ситуации вызывают выброс адреналина, готовность к драке или униженному отступлению. Сейчас ситуация обещала нечто иное. Чистейший эксперимент по социальной психологии.

Парень остановился. Подростки продолжали идти, не сбавляя шага. Он ждал удара. Ждал столкновения тел. Ждал, когда плечо высокого парня врежется в его ключицу, чтобы посмотреть, как исказится лицо хулигана от неожиданного сопротивления там, где должно быть пусто.

Высокий парень прошел сквозь него.

Это произошло быстро, буднично, без спецэффектов. Никаких ощущений прохождения сквозь стену. Просто секунду назад перед глазами была черная кожаная куртка, а в следующую долю секунды парень увидел затылок этой куртки. Прохождение сопровождалось легким смещением воздушных масс — так ощущаешь себя, когда рядом проезжает скоростной поезд. Давление падает, уши закладывает, волосы колыхнутся.

Подросток замер. Сделал два неуверенных шага вперед. Резко обернулся. Его друзья остановились чуть позади, сбившись в кучу. Девушка спряталась за спину тощего очкарика. — Вы слышали? — высоким, срывающимся голосом спросил высокий. — Типа... шелчок такой. Как будто током. — Да хорош тебе, Серый, гонит твоя система, — ответил очкарик, хотя сам заметно побледнел. — Накурился своей химозой, вот и мерещится. — Нет, я серьезно! —

Серый выставил руки перед собой, ощупывая воздух. — Прямо в плечо дало. Плотное такое. Иди сюда проверь.

Остальные не сдвинулись с места. Стадный инстинкт боролся с любопытством. Воздух в тоннеле загустел от тестостерона и страха перед необъяснимым.

Парень воспользовался их замешательством. Он шагнул влево, уходя с линии прямой видимости, прижался спиной к холодной облицовочной плитке. Теперь он был в мертвой зоне, скрыт массивной колонной вентиляции. — Может, крыса? — предположил третий подросток, самый маленький. — Здоровая такая. — Какая нахрен крыса, debil! — огрызнулся Серый. Он все еще водил руками в воздухе, медленно продвигаясь вперед, как слепой. — Я реально кого-то задел. Было сопротивление. Эй! Мужик! Ты где?

Он звал его. Впервые за эти бесконечные сутки чей-то голос был обращен непосредственно к нему. Слово «мужик» вонзилось в сознание, как раскаленная игла. Признание категории. Признание существования вида.

Серый сделал еще шаг, вытянув руки. Его пальцы должны были вот-вот коснуться плеча парня, прижавшегося к стене. Еще сантиметр. Полсантиметра.

В дальнем конце тоннеля, у эскалаторов, раздался тяжелый топот и властный окрик: — Стоять! Охрана метрополитена!

Реакция подростковой стаи была мгновенной. Инстинкт самосохранения победил исследовательский зуд. Серый отдернул руки, словно обжегся, и прохрипел: — Валим!

Компания сорвалась с места, топоча тяжелыми ботинками, и скрылась в переходе на другую станцию. Спустя две секунды пробежал охранник в черной форме, тяжело дыша. Он промчался мимо парня, едва не задев его дубинкой на поясе. Охранник преследовал реальных нарушителей. Его сканирующий взгляд профессионального ловца безбилетников равнодушно перепрыгнул через фигуру у стены.

Шум стих. В тоннеле снова остались только эхо капающей с потолка воды и ровный гул механизмов глубоко внизу.

Парень оттолкнулся от стены. Колено все еще ныло тупой болью — напоминание о столкновении с мотоциклом. Тело помнило травмы, наносимые законами физики, которым было плевать на социальную прозрачность. Только законы природы признавали его материальность.

Он вышел на улицу. Лиговский проспект встретил его ревом моторов и мелким, секущим дождем. Небо было низким, цвета мокрого асфальта. Город переваривал утро вторника.

Прозрачная стена никуда не делась. Она двигалась вместе с ним. Теперь он понимал природу этого феномена. Дело не в глазах окружающих. Глаза — лишь оптические приборы, фиксирующие фотоны. Фотоны отражались от его кожи, проходили сквозь линзы чужих хрусталиков и попадали на сетчатку. Информация поступала в зрительный центр мозга безупречно.

Проблема возникала позже. На этапе интерпретации. Мозг получал сигнал: «Объект. Рост 180 см. Серая одежда. Находится в полуметре». Но база данных социального распознавания объектов выдавала критическую ошибку. Этому человеку нет имени в реестре. У него нет истории транзакций. Он не привязан ни к одной геолокации постоянного пребывания. Он не является потребителем, налогоплательщиком, родственником или должником.

Для операционной системы мира «Человек» такого пользователя не существует. И мозг, защищаясь от синего экрана смерти, применял патч: функцию `ignore_object()`. Объект оставался видим периферийным зрением как размытое пятно, но центральное зрение его игнорировало. Голос обрабатывался как фоновый шум улицы — белый мусор аудиопотока. Прикосновение списывалось на турбулентность воздуха или статический разряд.

Он шел по тротуару, лавируя между лужами. Люди текли мимо серой рекой. Зонты превращали лица в анонимные пятна под капюшонами.

Впереди показалась кофейня. Небольшое заведение с панорамными окнами. Внутри горел теплый желтый свет. За столиками сидели люди — те, кому повезло найти временный

порт в шторме рабочего дня. Они держали в руках бумажные стаканчики, уткнувшись в ноут-буки и смартфены. Это был храм современного ритуала: покупка маленького пластикового счастья за двести рублей, позволяющая почувствовать себя хозяином хотя бы одного квадратного метра пространства на полчаса.

Он толкнул тяжелую стеклянную дверь. Над головой мелодично звякнул латунный колокольчик. Звук был чистым, радостным, приглашающим.

Запахи ударили одновременно: горькая нота арабики, сладкая ваниль сиропов, корица и свежая выпечка. Желудок свело спазмом. Он ничего не ел со вчерашнего вечера, кроме пересоленной солянки в столовой.

За стойкой бариста — девочка с татуировкой змеи на шее и кольцом в носу — методично взбивала молоко. Пар валил из металлической питчера белыми клубами. Очередь состояла из трех человек: студент с рюкзаком, женщина в строгом костюме и курьер в желтой куртке.

Он встал в конец очереди. Прямо за курьером. Перед ним стояла спина в синтетической ткани. Впереди — жизнь. Обычная, дымящаяся картоном и сахаром жизнь.

Очередь двигалась. Курьер получил свой двойной эспрессо, буркнул благодарность монитору и отошел, освобождая место. Теперь перед стойкой стоял он. Пустой прямоугольник пространства у кассового терминала.

Бариста закончила с напитком для женщины в костюме. Поставила стакан на салфетку. — Следующий! — бодро сказала девушка-змея, поднимая глаза и дежурно улыбаясь пустоте перед кассой.

Улыбка на мгновение дрогнула. Профессиональная деформация заставляла кассиров всегда смотреть клиенту в область переносицы, чтобы установить контакт. Сейчас ее фокус расфокусировался. Она моргнула. Быстро, растерянно. Посмотрела вниз, на свои руки, потом снова вперед.

Ее мозг столкнулся с парадоксом: очередь физически переместилась, метр впереди стойки освободился, значит, там *должен* быть клиент. Но клиента не было. Был только легкий сквозняк от кондиционера, шевеливший накладные ресницы.

— Э-э... вы будете что-нибудь? — спросила она, адресуясь к кофемашине слева от парня.

Звук ее голоса завяз в той самой стеклянной стене. Парень откашлялся. Громко. Намеренно привлекая внимание. Девушка вздрогнула. Чашка, которую она протирала, выскользнула из пальцев. Фарфор грянулся о металлическую поверхность стойки и разлетелся на мелкие осколки. — Черт! — выдохнула она, отскакивая назад. Осколки брызнули во все стороны. Несколько штук больно царапнули тыльную сторону ладони парня, стоявшего ближе всех. Кровь выступила мелкими бисеринками. Боль была острой, яркой.

На звон разбитой посуды из подсобки выглянул администратор — лысый мужчина в жилетке. — Что у вас там происходит? Лена? Клиент жалуется? Лена смотрела широко раскрытыми глазами на битое стекло. Затем ее взгляд медленно переместился туда, где стоял парень. Она видела капли крови на белой поверхности столешницы. Видела влажный след от дождевой воды, оставленный его плечами на паркете. Физические улики присутствия множились. — Кто-то... кто-то был, — прошептала она, указывая пальцем дрожащей руки в пустоту. — Он кашлял. Я слышала кашель. Прямо возле уха.

Администратор перевел взгляд с бариста на пустое место у кассы. Его лицо выражало сложную гамму чувств: раздражение из-за разбитой чашки, усталость от персонала и нарастающее беспокойство. Он подошел ближе. — Молодой человек, — строго сказал он, глядя сквозь парня. — Если вы шутите, это очень глупая шутка. Оплатите бой посуды и освободите проход. Людей пугаете.

Фраза повисла в воздухе. Администратор говорил с воздухом. Требовал денег у молекул азота и кислорода. Абсурд достиг своего пика. Логика сервиса пыталась изнасиловать законы метафизики.

Женщина в строгом костюме, получившая свой напиток, брезгливо поджала губы: — Вызовите полицию. Тут какой-то сумасшедший. Стоит и дышит мне в затылок.

Толпа — главный судья. Достаточно одного обвинения, чтобы запустить механизм травли. Невидимость не спасала от последствий. Напротив, она делала его идеальной мишенью. Виноватым всегда назначают того, кто не может оправдаться.

Парень понял, что если останется еще на десять секунд, лысый администратор действительно достанет телефон и наберет 112. Диспетчер примет вызов о буйном помешанном. Приедет наряд. Его попытаются схватить. Руки полицейских пройдут сквозь плечи, вызвав панику и применение силы «при задержании особо опасного непредсказуемого субъекта». Закончится это либо пулей в колено от ужаса, либо смирительной рубашкой и аминазином в приемном покое психиатрической больницы 3 имени Скворцова-Степанова. Перспектива провести остаток дней, доказывая санитарам свое существование через отрицательный тест Роршаха, его не прельщала.

Он сделал шаг назад. Потом еще один. Пятился к двери, не отрывая взгляда от лица администратора. Лицо лысого мужчины было лицом бога-неудачника, пытающегося разгадать загадку вселенной с помощью журнала кассира.

Дверь за спиной качнулась. Он вышел под дождь. Колокольчик прозвенел снова, на этот раз звуча издевательски, отрезая его от тепла, света и запаха корицы.

Он пошел быстрым шагом, переходящим в бег. Ботинки скользили по мокрым листьям. Легкие горели. Сердце билось о ребра, как пойманная птица. Но это была не физическая усталость. Это была агония социализации.

Он попытался вспомнить, когда в последний раз кто-то назвал его по имени. Память отказывала. Прошное начало покрываться таким же мутным налетом, как зеркала в привокзальном туалете. Кем он был? Игорем? Имя казалось чужим набором букв, наклеенным на лоб кем-то другим. Начальник Петровым? Старик на вокзале называл его «брат», но это было обращение к функции слушателя, а не к личности.

Если имя — это ключ к памяти, а память — фундамент личности, то потеря имени стала первым симптомом полного распада. Стеклопанная стена снаружи строилась людьми, которые отказывались его видеть. Но вторая, гораздо более страшная стена, росла изнутри. Он забывал текст своей роли. Оставшись без зрителей, актер начал забывать, какого персонажа он играл.

Он оказался в районе Кузнечного рынка. Узкие улочки старого города смыкались над головой каменными сводами. Сырость здесь пахла иначе — рыбой, подгнившими овощами и историей.

Справа темнела арка Достоевского. Та самая, культовая, ведущая во двор-колодец дома-музея. Туристы тысячами фотографировались под ней, пытаясь поймать мистический флёр Петербурга Достоевского — города Раскольников, безумия и высоких идеалов, разбивающихся о грязные лестницы.

Арка манила темнотой. Идеальное убежище от дождя и взглядов. Каменный мешок, где никто не потребует предъявить доказательства бытия.

Он шагнул под низкие своды. Свет с улицы сразу померк, превратившись в серый сумрак. Под ногами захлюпала вода. Запах плесени стал густым, осязаемым. Каждый шаг отдавался тихим всплеском.

Он прошел половину пути. Арка заканчивалась выходом в тесный двор, зажатый между брандмауэрами. Там, в глубине, мигала единственная лампа над подъездом, выхватывая из мрака кусок кирпичной кладки и переполненную урну.

Внезапно темнота впереди пришла в движение. Из глубины двора, навстречу ему, вышла фигура. Высокая, сутулая. Местный житель, вышедший выгулять собаку или просто покурить перед сном.

Парень замер. Столкновение неизбежно. Двор узкий. Расходиться придется вплотную. Мужчина приближался. В руке он держал поводок, на котором болтался силуэт какого-то небольшого терьера. Животные, вспомнил парень, реагируют иначе. Мальчик в метро, собака байкера...

До столкновения оставалось пять шагов. Четыре. Три. Собака на поводке вдруг коротко, удивленно тявкнула. Шерсть на ее загривке встала дыбом. Пес уперся всеми четырьмя лапами в асфальт, натягивая поводок и скалясь в пустоту перед идущим человеком. — Джек? Ты чего? — недоуменно спросил хозяин, останавливаясь. — Тише, малыш.

Он попытался подтянуть собаку к себе, успокаивая, но пес скулил и пятился назад, прячась за ноги хозяина. Животное видело объем. Обоняние собаки наверняка уловило запах влажной шерсти свитера, запах дождя и человеческий пот. Биологический сканер работал идеально.

Хозяин собаки проследил за взглядом питомца. Он посмотрел прямо на парня. Взгляд обычного горожанина отличался от взгляда полицейского или бариста. В нем не было профессиональной подозрительности или желания соблюсти регламент. Была лишь бытовая настороженность. — Мужик, ты в порядке? — спросил хозяин Джека, делая полшага в сторону, чтобы обойти препятствие.

Слова прошли сквозь стену. Стекло зазвенело, но выдержало. Мужчина видел контуры — высокая фигура в темном, стоит неподвижно. Но мозг отказался давать этому статус «человек разумный». Скорее — «странная тень», «оптическая иллюзия от фонаря».

Однако попытка обхода изменила всё. Мужчина сделал шаг вправо, занося ногу над лужей. В этот момент его правое плечо должно было пройти сквозь левое плечо парня.

Их разделяло не больше десяти сантиметров. Парень инстинктивно, рефлексивно, отработанным за день движением попытался отклониться, чтобы не блокировать проход.

И совершил фатальную ошибку координации. Он отклонился влево. Одновременно с этим мужчина, заметив наконец глубокую лужу под ногой, тоже сделал корректирующее движение влево, боясь наступить в грязь.

Они дернулись в одну сторону. Пространство оказалось слишком тесным для двоих, даже если один из них — статистическая погрешность.

Плечо мужчины врезалось в плечо парня.

Раздался глухой, тошнотворный звук удара живой плоти о живую плоть. Не треск костей, не хлопок воздуха. Твердый, уверенный, весомый удар. Двадцать килограммов мышц столкнулись с восьмьюдесятью. Кинетическая энергия передалась полностью.

Парня швырнуло вбок. Он потерял равновесие, взмахнул руками и рухнул спиной прямо в открытую по случаю ремонта канализационную шахту. Деревянный щит, закрывавший проход, оказался сдвинут.

Падение длилось доли секунды. Он приземлился на дно ямы — неглубокой, около полутора метров, — заваленное обломками кирпичей, обрезками труб и жидкой грязью. Левый бок обожгло огнем — острый край арматуры распорол свитер и впился в кожу.

Сверху, в прямоугольнике неба, очерченном стенами колодца, застыло изумленное лицо мужчины. Поводок выпал из его ослабевших пальцев. Собака, воспользовавшись моментом, юркнула в какую-то щель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.